

—

XIII.

В этот день стояла теплая погода.

Небо было чистым и лазурным, словно умытым, погода стояла безветренная и солнечная, а воды реки искрились, переливаясь на солнце.

Неподалеку в речной глади, слегка подернутой рябью от ветра, отражалась гора Сюаньцин, похожая на тысячелетнюю черную черепаху, лениво прильнувшую к берегу.

Легкая лодка скользила по поверхности воды, оставляя за собой тонкие разводы.

На чуть приподнятом носу лодки, на черной маленькой печурке, глухо побулькивал чайник.

Обстановка была в высшей степени безмятежной.

Заметив, что вода закипела, Гу Сьюань слегка поворошил угли, поднял чайник за ручку и, налив чашку чая, протянул её спутнику:

— Попробуй.

— Хорошо, — Се Чэньюнь тут же отбросил удочку в сторону и с радостью принял чашку обеими руками.

Этот керамический кубок был изъясном, купленным лодочником в лавке старьевщика, — на ощупь он был крайне грубым. Сам чай тоже был диким, зимним, собранным на окрестных склонах горы Сюаньцин и обжаренным местными крестьянами.

Однако в сочетании с этим маленьким утлым судном, где река и небо сливались в одну линию, во всём этом чувствовалась невыразимая природная прелесть.

Гу Сьюань повернулся и налил чашку себе.

Когда чай коснулся губ, первым делом почувствовалась легкая горечь, но стоило сделать еще пару глотков, как раскрылся дикий, живой и чистый аромат, тягучий, словно шелк, оставляющий после себя сладкое послевкусие.

Гу Сьюань невольно прищурился.

Се Чэньюнь, увидев, что его обычно суровое лицо на редкость расслаблено, не удержался и, надув щеки, подразнил его:

— Хм, Ваше Величество так привольно чувствует себя на реке, а ведь в это время на горе Сюаньцин наверняка уже собрались сотни и тысячи людей, жаждущих занять ваш императорский трон.

Сегодня был день начала зимы.

Именно на этот день было назначено Собрание Дворца Тяньвай по избранию Правителя от имени Небес. Местом проведения стал остров на горе Сюаньцин.

Гора Сюаньцин располагалась в западном пригороде Цзянчэна, в месте слияния рек Янцзы и Ханьшуй. Окруженная со всех сторон водой, она занимала исключительное географическое положение.

Гу Сьюань покинул Хуанчжоу на полпути и свернул к Цзянчэну именно ради этого собрания и ради легендарной Императорской печати, так что, разумеется, он не собирался его пропускать.

Вот только, в отличие от большинства представителей различных фракций, которые спозаранку поспешили занять места, он нанял маленькую прогулочную лодку и медленно, с едой и питьем, дрейфовал по течению, что выглядело уж слишком неспешно.

Гу Сьюань поднял взгляд на надувшегося Се Чэньюня и нарочито произнес:

— Вовсе нет, Чэньюнь. Откуда тебе знать, что нынешнее спокойствие и невозмутимость императора — вовсе не видимость, которую я с трудом поддерживаю ради сохранения достоинства, чтобы пускать пыль в глаза? Посмотри: разве не торопимся мы сейчас на гору Сюаньцин со всей возможной поспешностью?

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь опустил голову, глядя на их лодчонку, которая неподвижно стояла посреди реки уже больше часа, а также на полный набор принадлежностей для заваривания чая и рыболовные снасти на носу.

В его глазах на мгновение промелькнуло недоумение, но вдруг он широко распахнул их и свирепо уставился на Гу Сьюаня.

«Ты что, держишь меня за дурака?»

Видя его столь живую мимику, Гу Сьюань не выдержал и рассмеялся, ощущая искреннюю радость.

Сам не зная почему...

В последние дни ему доставляло необъяснимое удовольствие поддразнивать Се Чэньюня.

Гнев Се Чэньюня еще не остыл, но, внезапно увидев столь открытую и веселую улыбку Гу Сьюаня, он невольно замер.

Гу Сьюань всегда был суровым, строгим и немногословным; в обычные дни на его лице редко можно было заметить тень улыбки, не говоря уже о таком беззаботном смехе. Поэтому сейчас это казалось подобным таянию льдов, возвращению весны и расцвету природы.

Увидев такое зрелище, кто в поднебесной сможет по-настоящему злиться?

Се Чэньюнь уж точно не мог.

Тем временем Гу Сьюань снова поднял чайник, подлив чаю себе и наполнив чашку Се Чэньюня.

Он посмотрел на юношу перед собой и с пониманием улыбнулся:

— Смени гнев на милость. Я только что подшутил над тобой. Но если рассудить здраво, на гору

Сюаньцин действительно незачем ехать слишком рано. Раз было сказано, что собрание начнется в полдень, то Дворец Тяньвай точно не явится до последнего момента. Зачем нам толкаться в толпе и слушать пустую болтовню, если можно вольно и беспечно плыть по реке?

— И то верно, — Се Чэньюнь кивнул и холодно усмехнулся: — Этот Дворец Тяньвай так дорожит своим статусом, что им наверняка нужно дожидаться момента, когда все изведутся от нетерпения, являя свое жалкое бессилие. И только тогда они, изящные и праздные, эффектно появятся в самом конце. Так они еще больше подчеркивают свой статус святыни боевых искусств и свое превосходство избранников Небес.

Гу Сьюань заметил ледяную стужу в его глазах, но не почувствовал в этом злобы — напротив, это показалось ему милым.

Словно львенок, защищающий своего сородича.

Он не удержался и ущипнул его за мягкую щеку, негромко произнеся:

— Раз так, нам тем более не стоит об этом беспокоиться. К тому же, так называемая Императорская печать — всего лишь неодушевленный предмет. Если она заставляет тебя так злиться и терзаться, то она того не стоит.

— ... — Се Чэньюнь.

Уши Се Чэньюня окрасились румянцем, он опустил глаза, поддавшись редкому смущению.

Этот «тиран» и впрямь мастер льстить.

Сказать вот так прямо, что ни империя, ни печать не стоят его чувств — это поистине...

Гу Сьюань не понимал, почему Се Чэньюнь вдруг опять замер и перестал отвечать.

Впрочем, он обладал хорошей выдержкой и уже постепенно привык к тому, что логика окружающих его людей сильно отличается от его собственной.

Он снова сел перед печуркой, добавил воды в чайник, из которого они уже выпили большую часть, и чуть раздул угли.

Се Чэньюнь обхватил колени руками и, склонив голову набок, смотрел на него.

Ему казалось, что этот человек воистину любимец Неба и Земли: и когда он сурово занимается государственными делами, и в ту ночь, когда он играл на цине под луной, и сейчас, когда он ворошит угли — в каждом его движении было столько очарования.

Поэтому, когда Гу Сьюань отложил инструменты...

Он вполне закономерно почувствовал жар на своей щеке — это было до боли знакомое теплое дыхание.

Гу Сьюань на мгновение заколебался: стоит ли ему, как в тот раз при игре на цине, перейти от обороны к нападению? Хотя, возможно, в конце его снова пару раз ущипнут...

Однако на этот раз ему не дали времени на раздумья — теплое прикосновение мгновенно исчезло.

— ... — Гу Сьюань.

Гу Сьюань повернулся к Се Чэньюню. Тот уже обхватил обеими ладонями маленькую керамическую чашку и сосредоточенно потягивал чай.

Его тонкие белые пальцы на фоне грубой керамики казались холодным нефритом, а щеки раздувались, как у маленькой белки...

Гу Сьюань решил простить ему это озорство.

Очаровательные люди всегда обладают определенными привилегиями в рамках правил.

Речной бриз ласкал лицо, в руках был горячий чай — на душе было на редкость уютно.

Се Чэньюнь сделал несколько глотков и, вспомнив что-то, с улыбкой посмотрел на спутника:

— И впрямь, я увидел еще одну твою грань. Оказывается, Ваше Величество еще и чай заваривает превосходно.

Гу Сьюань на миг замер, но быстро понял скрытый смысл этих слов.

Это была отсылка к их разговору под луной несколько дней назад.

Он не придал этому значения.

Однако, заметив удочку Се Чэньюня, на которой до сих пор не было никакого улова, он поднялся и сел рядом с ним:

— Пожалуй, сегодня я покажу Чэньюню кое-что еще.

Се Чэньюнь не ошибся.

Главной целью Гу Сьюаня в этот раз, вероятно, действительно была прогулка по реке, а собрание — лишь второстепенным делом. На этой маленькой лодке было припасено больше двух комплектов удочек и крючков.

Он аккуратно насадил наживку и забросил крючок в воду.

И тут Се Чэньюнь уже не знал, радоваться ему или нет.

Он просидел здесь полчаса и не выловил даже пучка водорослей, но стоило взяться Гу Сьюаню — и не прошло времени, за которое выпивают полчашки чая, как в садке уже бились две или три живые рыбины.

Хм, даже рыбы занимаются дискриминацией!

Он наклонился, широко раскрытыми глазами глядя на несколько рыбин в садке, словно пытаясь переглядеть их.

«Плюх!» — раздался всплеск.

В этот самый момент Гу Сьюань вытянул еще одну.

Это было уже выше всяких сил!

Лицо Се Чэньюня тут же исказилось от негодования, он задрал голову и яростно уставился на Гу Сьюаня. Он не мог заставить себя выместить злость на рыбе, которой предстояло стать их обедом, но выместить её на Гу Сьюане казалось делом вполне естественным.

Гу Сьюань, видя его состояние, с трудом сдержал смех и спросил:

— Чэньюнь, знаешь, почему так происходит?

Се Чэньюнь покачал головой. Слегка стиснув зубы, он с видом человека, покорно сносящего унижение, спросил:

— Неужто у Вашего Величества есть какой-то тайный способ рыбной ловли?

Гу Сьюань тоже едва заметно покачал головой. Затем его лицо стало серьезным, и он с таинственным видом объяснил:

— На самом деле это связано с древним преданием. Слышал ли ты, Чэньюнь, о том, как «рыба прыгает через Врата Дракона»? Рыбы — существа амбициозные, они всегда мечтают переродиться в драконов и, естественно, крайне чувствительны к драконьему дыханию...

Се Чэньюнь нахмурил свои красивые брови, чувствуя, что следующий ответ ему вряд ли понравится.

И действительно, в следующую секунду Гу Сьюань с совершенно серьезным видом продолжил:

— А как всем известно, не я ли единственный в мире истинный Сын Неба, обладающий обликом дракона? То, что рыбы стремятся ко мне и отдают предпочтение — естественный ход вещей, предопределенный небом.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь онемел от такой наглости.

«Я подозреваю, что ты просто издеваешься надо мной и намеренно хвастаешься».

Гу Сьюань снова не выдержал и рассмеялся. Поддразнивать Се Чэньюня, наблюдая, как на его прекрасном лице сменяются живые эмоции, было занятием, вызывающим привыкание.

Отсмеявшись, Гу Сьюань, пока Се Чэньюнь не успел по-настоящему разозлиться, быстро смотал удочку. Он достал из рукава инкрустированный нефритом золотой кинжал и приготовился тут же на месте выпотрошить и почистить рыбу.

Он буднично спросил:

— Чэньюнь, как насчет того, чтобы пару штук поджарить, а из остальных сварить уху?

— Ваше Величество умеет готовить?

Се Чэньюнь, увидев его ловкие движения, не на шутку заинтересовался и тут же резво придвинулся ближе. Всё, что произошло только что, мгновенно вылетело у него из головы.

Гу Сьюань убрал чайник с печурки, поставив вместо него небольшой глиняный горшочек. Сначала он вытопил жир из рыбьих брюшек, затем обжарил тушки с обеих сторон, чтобы они не прилипали к стенкам. Когда рыба стала золотистой, он добавил чистой воды, имбирь и

немного соли.

Рыба готовится быстро. Когда бульон стал молочно-белым, Гу Сьюань отодвинул горшочек в сторону. Оставшиеся две замаринованные рыбины он насадил прямо на лезвие меча и принялся медленно коптить их над огнем.

— ...

Се Чэньюнь смотрел, как бесценный меч, способный разрубать железо словно бумагу, используется для подобных целей и покрывается густой копотью. В этот момент он в полной мере осознал смысл поговорки «жечь цинь, чтобы сварить журавля» — так называют кощунственное отношение к прекрасным вещам.

Однако он лишь тихонько рассмеялся. Раз он был вместе с Гу Сьюанем, даже самое «антихудожественное» занятие приносило ему высшую степень радости и свободы.

В итоге они съели по жареной рыбине, выпили ухи и закусили лепешками, которые взяли с собой. Се Чэньюнь чувствовал, что это была самая вкусная и сытная трапеза в его жизни.

Между тем близился полдень. Солнце поднялось в зенит, и его лучи били прямо по зеркальной глади реки. Остаться на лодке теперь было не удовольствием, а мукой.

Время пришло. Гу Сьюань и Се Чэньюнь встали на корме. Каждый взял по шесту, и они начали мерно отталкиваться от дна, ускоряя ход лодки и заодно разминаясь после обеда.

Прошло меньше часа, и благодаря попутному ветру и течению лодка приблизилась к берегу острова Сюаньцин. Издали гора казалась изумительно красивой: густые леса, сочные травы — от одного взгляда на эту безмятежность на душе становилось спокойно.

Однако стоило им ступить на остров, как стало ясно: сегодняшняя гора Сюаньцин не имеет ничего общего с безмятежностью.

С лицевой стороны острова была небольшая бухта, где сейчас высились мачты десятков судов. Береговая линия была уставлена кораблями всех размеров — не трудно было догадаться, что это флагманы великих кланов и сект.

— Сборище изменников и мятежников, — Се Чэньюнь стоял в лодке, и при виде этой картины его лицо мгновенно стало ледяным.

Гу Сьюань ничего не сказал. Он просто обхватил юношу за тонкую талию и одним прыжком вынес его на берег. Привязав лодку к огромному валуну у воды, он повернулся к спутнику и нарочито принял разгневанный вид:

— Не стоит так кипятиться. Поднимемся вместе на вершину. Когда придет время, устроим там кровавую баню и перевернем всё вверх дном. Сделаем так, чтобы никто из них не вернулся живым!

Услышав это, Се Чэньюнь обернулся и сердито фыркнул на Гу Сьюаня. Но в конце концов он всё же рассмеялся — шутка достигла цели, и гнев угас. Эта улыбка была столь яркой, что заставляла меркнуть солнце и склоняться горы.

В сердце Гу Сьюаня что-то дрогнуло, и он крепко взял Се Чэньюня за запястье. Се Чэньюнь шевельнул пальцами, и они переплели их в замок. Встретившись взглядами, они улыбнулись

друг другу и твердым шагом направились по каменистой тропе к вершине пика.

По мере восхождения до слуха то и дело доносились трубные звуки горнов. Когда они достигли вершины, перед ними открылась четкая картина: представители великих сил расположились кольцом вокруг трех древних павильонов. Знамена разных кланов развевались на ветру. Знакомые между собой люди сбивались в кучки: на лицах — улыбки и светские беседы, а в мыслях — коварные интриги.

То, что Гу Сьюань и Се Чэньюнь поднялись на гору только сейчас, не спеша, неизбежно привлекло внимание — особенно учитывая их выдающуюся внешность и харизму. Один в черном, другой в лазурном, они были подобны солнцу и луне, от которых невозможно отвести глаз.

Клан Сун и секта Юйхо сидели вместе. Сун Чжэнцин сразу увидел их и замахал рукой, приглашая присесть. Се Чэньюнь, будучи членом секты Юйхо, прошел туда по праву, а Гу Сьюань просто последовал за ним.

Они устроились рядом с Сун Чжэнцином. Всего в трех шагах от секты Юйхо, судя по флагам, располагались места школы Пили и мятежников клана У.

Се Чэньюнь взглянул на две фигуры, сидевшие в окружении свиты, и нахмурился. Он потянул Гу Сьюаня за рукав и прошептал:

— Что происходит? Почему они здесь? И почему они вместе с этими мятежниками из клана У?

Этими двоими были мужчина средних лет и юноша. Мужчиной оказался тот самый Чу Юань из школы Пили, которого Гу Сьюань подчинил себе несколько дней назад, а юношей — молодой глава школы Лэй Янь, который по идее должен был томиться в подземелье загородного поместья.

Гу Сьюань и бровью не повевел. Лишь слегка сжав тонкие пальцы Се Чэньюня, он негромко произнес:

— Расскажу тебе чуть позже.

В это время Чу Юань уже повернул голову в их сторону и едва заметно кивнул — это был знак, что всё устроено согласно распоряжениям. Гу Сьюань не ответил, лишь слегка повернулся и бросил мимолетный, невесомый взгляд на мертвенно-бледного Лэй Яня, сидевшего рядом с Чу Юанем.

Чу Юань легко усмехнулся и кивнул уже увереннее. Смысл был ясен: этот парень стал на редкость покладистым. Лэй Янь же, увидев Гу Сьюаню, сжался подобно мыши перед котом. Он испуганно зашептал Чу Юаню на ухо:

— Господин Чу, я буду вести себя прилично, я во всем вас слушаюсь... Только, умоляю, замолвите за меня словечко перед Его Величеством.

Глядя на эту кроткую овечку, трудно было представить, что совсем недавно этот человек в школе Пили вел себя как заносчивый павлин.

Ян Тай и У Маньэр сидели бок о бок с Чу Юанем и Лэй Янем. Заметив, что те постоянно поглядывают на соседей, У Маньэр с любопытством спросила, улыбаясь:

— Молодой глава Лэй, господин Чу, вы знакомы с теми двоими из секты Юйхо?

Лэй Янь кашлянул, изо всех сил стараясь придать голосу твердость, и нарочито небрежно ответил:

— А, это те двое, с которыми у нас с братом Таном несколько дней назад вышло недоразумение. Мы немного повздорили, помахали мечами, но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло — так и познакомились.

У Маньэр понимающе кивнула. Она помнила, как они с Ян Таем подобрали Тан Шэна на корабле — он явно от кого-то убегал. Значит, это произошло, когда он был вместе с Лэй Янем. Впрочем, судя по всему, ничего серьезного не случилось, иначе Лэй Янь с его взрывным характером уже подпрыгнул бы на месте при виде врагов. К тому же Тан Шэн после возвращения не упоминал о деталях и не был ранен — вероятно, просто обычная для людей боевых искусств стычка ради забавы. Рассудив так, она отвернулась и, вытянув тонкую шею, принялась всматриваться в сторону горной тропы, втайне сокрушаясь: «Почему брат Тан до сих пор не пришел?»

Сидевший рядом Ян Тай тем временем обменялся с Гу Сьюанем коротким, едва уловимым взглядом. Гу Сьюань тоже слегка склонил голову. Этот контакт был настолько быстрым, что никто на площади ничего не заметил. Никто, кроме Се Чэньюня, который не сводил с Гу Сьюаня глаз.

Юноша надул щеки и уставился на императора:

— Хм, кажется, ты скрываешь от меня гораздо больше, чем я думал...

Гу Сьюань ущипнул его за щеку и ровным голосом повторил:

— Расскажу позже.

«Позже, опять позже!» — недовольно проворчал про себя Се Чэньюнь. Однако, несмотря на напускное недовольство, в его душе крепло предчувствие: скоро произойдет что-то очень интересное.

Собрание героев было в самом разгаре. Сун Чжэнцин принялся увлеченно представлять паре главных героев присутствующие силы: здесь были и лидеры фракций, и приглашенные мастера, и всякого рода одаренные личности. Беглый подсчет показал, что на вершине собралось уже около трех тысяч человек.

Увидев такой масштаб, Се Чэньюнь перестал гадать о связях Гу Сьюаню со школой Пили и кланом У. Его лицо посуровело при взгляде на это разношерстное сборище. Если не считать нескольких отрядов мятежников, открыто поднявших знамя мятежа, большинство представителей здесь формально всё еще были подданными и чиновниками династии Великая Чжоу. И то, что они посмели явиться сюда так открыто, свидетельствовало о крайнем бесстыдстве.

В этот момент со стороны горной тропы донесся сильный шум. Взоры присутствующих устремились туда: двое молодых людей — один в лазурном, другой в золотом — поднимались на гору, ведя ожесточенный бой. Хотя сегодня было собрание по «избранию правителя», здесь было полно мастеров, которые тут же с азартом принялись наблюдать за схваткой.

Двое юношей в расцвете лет, перелетающие с ветки на ветку, с развевающимися волосами и

рукавами, представляли собой поистине эстетичное зрелище. Однако, приглядевшись, толпа ахнула. Юношей в золотом был Чжао Тяньцзун, чья слава гремела в последнее время. Он не только был старшим сыном главы клана Чжао — одного из четырех великих кланов, — но и учеником первого мастера современности, главы секты Цаньюнь Чжао Юнькуна. За год своего пребывания в мире боевых искусств он бросил вызов множеству сверстников и не потерпел ни одного поражения. Ходили слухи, что полгода назад он уже вплотную подошел к порогу звания мастера Цзунши. И то, что сейчас кто-то его ровесник сражался с ним на равных, было неслыханно.

Тут У Маньэр в волнении вскочила с места и крикнула юноше в лазурном:

— Брат Тан, ты наконец-то пришел!

Толпа зашумела:

— Посмотрите, где сидит эта девушка — это места клана У и школы Пили!

— Она назвала его братом Таном. Неужели этот юноша — Тан Шэн, один из «Двух драконов Цзяндуна», о котором в последнее время только и говорят на берегах Янцзы?

— Это действительно Тан Шэн, я видел его недавно, — подтвердил кто-то в толпе.

— Вот оно что... Интересно, кто из этих двоих в итоге окажется сильнее?

Се Чэньюнь, глядя на драку, тоже почувствовал, как чешутся руки. Он подпер щеку ладонью и спросил Гу Сьюаня:

— Как думаешь, кто из них круче?

— Разумеется, Чжао Тяньцзун, — спокойно ответил Гу Сьюань.

В оригинальном сюжете Тан Шэн на этом этапе превосходил Чжао Тяньцзуна и в конце концов побеждал его одним точным ударом. Именно на его славе Тан Шэн вознесся на вершину мира. Но сейчас, из-за вмешательства Гу Сьюаня, главный герой Тан Шэн три месяца назад не смог получить вторую половину «Первозданного искусства Неба и Земли», и его прогресс в боевых искусствах не шел ни в какое сравнение с оригиналом.

И действительно. Едва Гу Сьюань закончил фразу, как Тан Шэн начал сдавать позиции. Чжао Тяньцзун, не жалея сил, нанес несколько чувствительных ударов. В момент очередного столкновения кулаков он нацелился прямо в лицо Тан Шэну.

У Маньэр побледнела и вскрикнула:

— Брат Тан!

Но тут из рядов зрителей, подобно выпущенной стреле, вылетела изящная фигура и устремилась к уязвимой точке Чжао Тяньцзуна. Если бы тот не успел закрыться, он бы проучил Тан Шэна, но сам получил бы тяжелое ранение. Увидев, кто именно на него напал, Чжао Тяньцзун разозлился еще больше, но был вынужден отозвать удар и заблокировать атаку.

Их ладони встретились, и после короткого обмена ударами они разошлись на несколько шагов. Шэнь Лошуан, едва восстановив равновесие, бросилась не к кому-нибудь, а к раненому Тан Шэну.

Тан Шэн, спасенный женщиной на глазах у всех, почувствовал жгучее унижение. Он отстранился от её рук и холодно спросил:

— Зачем ты пришла?

Шэнь Лошуан, видя его состояние, одновременно злилась и переживала, но не могла сорваться на него. Тан Шэн же повернулся к Чжао Тяньцзуну и, сложив руки в жесте вежливости, натянуто улыбнулся:

— Брат Чжао, в детстве я был ленив и плохо учился, поэтому сегодня уступил тебе. Надеюсь на повторную встречу в будущем, не откажи в наставлении.

Чжао Тяньцзун понимал, что тот просто пытается сохранить лицо, поэтому лишь холодно хмыкнул, проигнорировав его. Шэнь Лошуан, видя это, еще больше прониклась сочувствием к Тан Шэну. Её нежный голос разнесся по площади:

— Господин Чжао, я уже много раз говорила вам — перестаньте меня преследовать. Тем более, причинять вред человеку, которого я люблю... Разве это поступок настоящего героя?

Чжао Тяньцзун пришел в ярость:

— Шэнь Лошуан, ты моя невеста! Между нашими семьями заключен брачный союз!

Толпа мгновенно загудела. Обсуждения становились всё громче и оживленнее. Никто не ожидал такого поворота — юношеский пыл, двое мужчин делят одну женщину... Блестяще! Потрясающе! Интересно!

— Чжао Тяньцзун, прекрати нести чушь! Мы с братом Таном любим друг друга! — выкрикнула Шэнь Лошуан и в негодовании нанесла удар ладонью.

Чжао Тяньцзун быстро увернулся. Удар пришелся по дереву, которое тут же переломилось пополам — силы она не жалела. Видя это позорище, представители кланов Шэнь и Чжао помрачнели. Несколько мастеров вышли вперед и силой увели своих подопечных.

На площади остался один Тан Шэн. Он неловко огляделся и, заметив места клана У, направился к ним. У Маньэр смотрела на него с жалостью, но слова Шэнь Лошуан о «взаимной любви» больно её укололи. Она замялась и не двинулась ему навстречу. Ян Тай при виде этой сцены лишь холодно усмехнулся.

Подойдя ближе, Тан Шэн внезапно замер. Он вытаращил глаза на Лэй Яня, затем перевел взгляд на сидящих рядом Гу Сююаня и Се Чэньюня, чувствуя себя как во сне. Что происходит?

Лэй Янь по знаку Чу Юаня сам поднялся с места:

— Брат Тан, ты в порядке?

— В... в порядке, — голос Тан Шэна дрогнул. Он в замешательстве указал на Гу Сююаня и Се Чэньюня и прошептал: — Лэй Янь, как ты здесь оказался? Ты же в тот день...

Лэй Янь усмехнулся:

— Ой, брат Тан, ты в тот день слишком быстро убежал. Да, господа Гу и Се нас победили, но мы же люди боевых искусств — сегодня ты меня побил, завтра я тебя. Мы просто померились силами, а в итоге они, уважив нашу школу Пили, честно отпустили меня и сестру.

— Вот как... — тихо отозвался Тан Шэн, но в его голосе сквозило явное недоверие.

Впрочем, расспрашивать дальше было неудобно — ведь в тот день, спасая свою шкуру, он фактически оттолкнул Лэй Линлун навстречу опасности. С точки зрения кодекса чести это был крайне низкий поступок. Именно поэтому он не рассказывал об этом У Маньэр и Ян Таю и даже не заикался о спасении: в глубине души он желал, чтобы брат и сестра Лэй погибли от рук Гу Сьюаня. Тогда правда никогда бы не всплыла наружу. Тем более что на следующий день в Цзянчэн прибыли посланники Дворца Тяньвай, и он был занят встречами с ними и с Сяо Ханьсинь. А потом прибыл клан Шэнь, и он втайне бегал на свидания с Шэнь Лошуан... Ему было не до школы Пили. Но кто бы мог подумать, что Гу Сьюань и Се Чэньюнь — эти двое жестоких людей — так легко отпустят Лэй Яня?

А за те несколько дней, что его не было, Лэй Янь умудрился привести школу Пили к соглашению с У Маньэр и Ян Таем.

В этом деле явно крылся какой-то подвох.

Но как бы там ни было, сейчас нельзя было поднимать шум. Иначе, если события того дня станут достоянием общественности, в самом постыдном положении окажется он сам.

Более того, сегодняшнее Собрание по избранию Правителя от имени Небес могло пойти прахом. А он уже точно знал: Сяо Ханьсинь и Небесный Дворец приняли решение передать Императорскую печать именно ему. Можно сказать, что он — главный герой сегодняшнего торжества.

Придя к этой мысли, Тан Шэн даже поднял голову и, сложив руки в приветственном жесте, с легкой улыбкой обратился к Гу Сьюаню и Се Чэньюню:

— Вы двое, я гляжу, сменили гнев на милость. Благодарю, что не стали сводить счеты с А-Янем и Линлун.

Гу Сьюань лишь холодно кивнул. Се Чэньюнь, скрестив руки на груди, презрительно хмыкнул, проигнорировав его.

Тан Шэн прошел к У Маньэр и сел рядом. Неизвестно, какие нежные слова он нашептал ей на ухо, но надувшаяся было девушка тут же сменила гнев на милость.

Се Чэньюнь мазнул по ним безразличным взглядом, потянул Гу Сьюаня за рукав и скривил губы:

— Ты поистине видишь людей насквозь. Тан Шэн — парень с непомерным самолюбием, возомнивший невесть что. Пару дней назад он готов был нас растерзать, а потом бежал от нашей погони, поджав хвост. И вот сегодня, прекрасно понимая, что здесь что-то нечисто, он встречает нас лучезарной улыбкой...

Гу Сьюань сжал его тонкие прохладные пальцы и бесстрастно произнес:

— Ну что за глупости ты говоришь? Как раз из-за того, что у него высокое самомнение и он слишком хорошего о себе мнения, он и ведет себя так сегодня. Чэньюнь перепутал причину и следствие.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь взглянул на него с еще большим раздражением. «Я тебе это сказал, чтобы ты мне выдал сухой рациональный анализ? Разве я не хотел просто воспользоваться случаем, немного покапризничать и выразить недовольство тем, что ты за моей спиной провернул столько дел?»

В этот момент над пиком внезапно разнеслись звуки флейты и циня, сливающиеся в единую гармонию.

Взоры присутствующих замерли: неведомо откуда, словно небожительницы, возникли четыре женщины в черном. Они появились на крышах двух крайних древних павильонов. Две из них держали в руках цини, две другие вторили им на бамбуковых флейтах. Музыка — чистая, прозрачная и безмятежная, с глубоким и мягким звучанием — казалась неземной, доносящейся из заоблачных далей.

Люди застыли в изумлении, чувствуя себя как во сне.

И тут раздался чистый, звонкий женский голос, в котором, казалось, не было ни капли мирской скверны:

— Для Дворца Тяньвай большая честь принимать всех вас здесь сегодня.

Край белоснежной легкой вуали внезапно показался над крышей центрального павильона. В следующий миг все увидели, как изящная ножка коснулась ткани, и тонкая фигура в белом, словно сошедшая с небес, плавно соскользнула вниз по шелковому полотну.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281665>